

0.40

ЗАПИСКИ ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ В. Р. Розеномъ.

ТОМЪ XX.

ВЫПУСКИ II—III.

(съ 41 рисункомъ на отдѣльныхъ страницахъ).

359

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1911.

Турецкіе элементы въ монгольскомъ языкѣ¹⁾.

1.

Научное изученіе монгольскаго языка только что началось. До сихъ поръ остаются неизслѣдованными многія монгольскія нарѣчія, извѣстныя нарѣчія не изучены съ достаточной полнотой, до сихъ поръ остается открытымъ вопросъ о происхожденіи письменнаго монгольскаго языка и объ отношеніи къ нему живыхъ нарѣчій. Не вполне выяснено также происхожденіе другого письменнаго языка монголовъ — ойратскаго (калмыцкаго); ойратскіе діалекты изслѣдованы мало и неизвѣстными остаются, поэтому, элементы, вошедшіе въ составъ письменнаго языка. Лучше всего изучено халхаское нарѣчіе, затѣмъ идутъ: говоры Восточной Монголіи, Волжско-калмыцкіе, бурятскіе и нарѣчіе афганскихъ монголовъ. Большинство остальныхъ монгольскихъ говоровъ, число которыхъ велико, неизвѣстно вовсе. Письменные памятники монголовъ, тоже изученные не въ достаточной степени, не восходятъ дальше 13-го вѣка, при чемъ число старыхъ памятниковъ незначительно²⁾.

Другую картину представляетъ собой языкъ турецкій. Большинство живыхъ турецкихъ нарѣчій изучено болѣе или менѣе подробно, имѣются изданія обширнаго лингвистическаго матерьяла, обслѣдованы старые памятники языка. Кромѣ того туркамъ посчастливилось имѣть письменные памятники довольно большой древности, писанные притомъ при помощи очень хорошаго алфавита, таковы «орхонскіе» памятники VIII вѣка нашей эры. Затѣмъ находки и раскопки послѣднихъ лѣтъ въ Восточномъ Туркестанѣ открыли еще цѣлый рядъ старыхъ турецкихъ памятниковъ, писанныхъ на

1) Рефератъ, читанный въ лингвистической секціи Неофилологическаго Общества при Импер. СПб. Университетѣ весною 1910 г.

2) См. G. J. Ramstedt. Über die konjugation des Khalkha-mongolischen (Helsingfors. 1902) Vorrede.

бумагѣ, быть можетъ еще болѣе древнихъ, чѣмъ орхонскіе. Какъ орхонскіе, такъ и уйгурскіе памятники сдѣлались достояніемъ европейской науки, главнымъ образомъ благодаря трудамъ В. Томсена, акад. В. В. Радлова и др. Уже теперь обрисовывается съ достаточной ясностью отношеніе другъ къ другу разныхъ нарѣчій, старыхъ и новыхъ, и, болѣе или менѣе, выясняется исторія турецкаго языка; но все же изученіе этого языка не подвинулось такъ далеко, какъ изученіе языковъ финно-угорскихъ, не говоря уже о языкахъ индо-европейскихъ¹⁾.

Давно уже между монгольскимъ и турецкимъ языками предполагалось родство, оба эти языка помѣщались въ урало-алтайскую группу²⁾, обнимавшую кромѣ этихъ двухъ названныхъ языковъ еще языки манджуро-тунгусскій, самоѣдскій, угорскіе языки и финскіе. Теперь уже перестаютъ говорить объ этой семьѣ; монгольскій и турецкій языки вмѣстѣ съ языкомъ манджуро-тунгусскимъ выдѣляется въ особую группу — алтайскую.

До сихъ поръ все-таки нельзя сказать, чтобы вопросъ объ алтайской семьѣ языковъ былъ рѣшенъ опредѣленно. Наоборотъ, можно сказать, что «алтайская группа» существуетъ проблематично. Мы не только не знаемъ еще языковъ общемонгольскаго, -турецкаго и -маньчжурскаго, но до сихъ поръ остаются неизслѣдованными многія нарѣчія этихъ трехъ языковъ, не изучены всѣ старые памятники.

Тѣмъ не менѣе начали появляться въ свѣтъ труды изъ области алтайскаго языковѣдѣнія, въ которыхъ высказывается отчасти апріорное мнѣніе о родствѣ турецкаго, монгольскаго и маньчжурскаго и о существованіи въ частности монголо-турецкаго праязыка. Извѣстнымъ монголистомъ Г. И. Рамstedтомъ изданы пока двѣ этимологическія работы изъ этой области³⁾. — Среди чрезвычайно остроумныхъ положеній, высказанныхъ въ

1) См. статья проф. П. М. Меліоранскаго. Турецкія нарѣчія и литературы, Энциклопед. словарь Брокгауза и Эфрона 34, стр. 159—171, а также новѣйшія сочиненія акад. В. В. Радлова.

2) W. Radloff. Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türkischen Sprachen. Зап. Импер. Акад. Наукъ т. VII, № 7. O. Donner, Die Uralaltaischen Sprachen, Finn.-Ugr. Forschungen. 1. H. Winkler, Der Uralaltaische Sprachstamm, Berlin 1909. I. Grunzel. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. W. Schott. Versuch über die Tatarischen Sprachen. Berlin 1836.

3) Über die zahlwörter der altaischen sprachen (Journ. d. I. société finno-ougr. XXIV) и Этимологія имени Ойратъ (Зап. Импер. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр. XXXIV). Въ значительной степени на мысли, высказываемыя мною здѣсь, натолкнули меня пять лекцій доцента Г. И. Рамstedта, читанныя имъ на русскомъ языкѣ по приглашенію нѣсколькихъ петербургскихъ востоковѣдовъ въ СПб. въ маломъ конференцъ-залѣ Имп. Академіи Наукъ (съ 15 по 20 декабря 1907 года), явившіяся краткимъ повтореніемъ его курса, читаннаго осенью того-же года въ Александровскомъ университетѣ въ Гельсингфорсѣ. Лекціи касались введенія въ фонетику монголо-турецкихъ языковъ (о согласныхъ).

Кромѣ того очень многое мнѣ пришлось почерпнуть изъ лекцій академика В. В.

этихъ сочиненійхъ, положеній, которыя, вѣроятно, оправдаются дальнѣйшими изслѣдованіями въ этой обширной области, мы всетаки встрѣчаемъ элементы, съ которыми трудно согласиться. Такъ можно указать на то, что привлекаются къ сравненію формы не равноцѣнныя, не всегда съ достаточной полнотой обслѣдуется исторія той или другой формы въ каждомъ отдѣльномъ языкѣ. Для примѣра обратимся къ изслѣдованію Г. І. Рамстедта объ «алтайскихъ» числительныхъ. Тамъ указывается¹⁾ на то, что Монг. бұрі, весь, все, соотвѣтствуетъ Тур.²⁾ бір ~ бірі (изъ бірісі) одинъ, Тур. і = Монг. ү; напр. Тур. біт, исполниться = Монг. бұте; Тур. біі, танцовать = Монг. бұці; Тур. кір, войти = Монг. кұр, доходить.

Остановимся на предположеніи: Тур. бірі = Монг. бұрі. Правильность этой формулы сомнительна. Нѣтъ никакихъ основаній считать Тур. форму бірі болѣе древней, чѣмъ существующая во всѣхъ Тур. нарѣчіяхъ форма бір, предполагая, что конечное і отпало и сохранилось только въ формѣ бірісі, одинъ изъ нихъ, одинъ его. Противъ этого прежде всего говоритъ необыкновенный консерватизмъ турецкаго языка; и дѣйствительно, за все извѣстное намъ существованіе его мы видимъ слово «одинъ» постоянно въ формѣ бір, начиная съ орхонскихъ и уйгурскихъ памятниковъ; да и вообще намъ неизвѣстны на турецкой почвѣ случаи отпаденія послѣдняго і. Чтоже такое бірі, являющееся всетаки въ формѣ бірі—сі? Форма эта—отмѣчена въ грамматикахъ турецкихъ нарѣчій; «Числительное бір, писалъ, напримѣръ проф. П. М. Меліоранскій³⁾, принимаетъ перѣдко два раза нарощеніе притяжательнаго суффикса 3-го лица, такъ что выходитъ бірісі». Въ сноскѣ на той же страницѣ указываются на такое же двойное нарощеніе, наблюдаемое при другихъ словахъ, напр. каін—ы—сы, его тестъ, керег—і—сі, его нужда etc. Можно прибавить, что явленіе это возникло, вѣроятно, благодаря аналогіи. Такъ бірісі «одинъ его», возникло по аналогіи съ екісі «двое его» (екі, два):

$$\begin{array}{c} \text{ек-і-сі} \\ \text{бір-і-сі}^4) \end{array}$$

Радлова, сопровождавшихся обыкновенно оживленнымъ общеніемъ мнѣній между нимъ и его слушателями: В. Л. Котвичемъ, А. Н. Самойловичемъ и А. Д. Рудневымъ. Послѣдніе не отказались любезно просмотрѣть настоящую мою статью въ корректурѣ и сообщить свои замѣчанія.

1) Стр. 5.

2) При транскрипціи турецкихъ словъ я буду пользоваться знакомъ е = ä транскрипціи акад. В. В. Радлова.

3) Краткая грамматика казакъ-киргизскаго языка (СПБ. 1894) ч. I, стр. 40.

4) Пр.-доц. А. Н. Самойловичъ въ своихъ университетскихъ лекціяхъ именно такъ объяснялъ форму бірісі.

Изъ трехъ же приводимыхъ Г. I. Рамстедтомъ примѣровъ соотвѣтствія Тур. і съ Монг. у одинъ примѣръ долженъ быть исключенъ несомнѣнно: кромѣ формы біт, «исполниться» мы имѣемъ болѣе древнюю, встрѣчающуюся въ старыхъ уйгурскихъ памятникахъ форму б у т. Прежде чѣмъ привлекать къ сравненіямъ, слѣдуетъ, значить, выяснить соотношенія этихъ формъ въ предѣлахъ самого турецкаго языка.

2.

Совершенно оставляя въ сторонѣ вопросъ о монголо-турецкомъ языке, мнѣ бы хотѣлось сдѣлать попытку указать на явленіе, на которое, повидимому, до сихъ поръ не обращалось должнаго вниманія. Я говорю о возможности заимствованій однимъ языкомъ изъ другого, монгольскихъ заимствованій въ турецкомъ и турецкихъ въ монгольскомъ языкѣ.

Дѣйствительно въ монгольскомъ и турецкомъ языкахъ мы встрѣчаемъ значительное количество словъ совершенно одинаковыхъ по своему звуковому составу и по своему значенію. Напр.

	Тур.	Монг.
	ка ра ¹⁾ , черный	ка ра ²⁾
Уйг. Орх. ка ъ а н,	императоръ, ханъ	ка ъ а н ³⁾
Орх. к а т у н,	ханша, дама	к а т у н
Уйг. к ѳ к ш и н,	старикъ	к ѳ к ш и н
Уйг. Дж. тем ѳ р,	жельзо	тем ѳ р
Уйг. а да ⁴⁾ ,	вредъ, злостный	а да
Орх. Уйг. Дж. Осм. и др. е с е н,	здоровый.	е с е н
Орх. Уйг. Ком. Алт. Тел. у л у с,	народъ	у л у с
Орх. Уйг. Тел. т ѳ м е н,	десять тысячъ	т ѳ м е н
Орх. Уйг. Кир. б о л,	быть, становиться	б ѳ л
Уйг. Дж. Ком. Крм. Кир. с а к а л,	борода	с а к а л

Очень много можно встрѣтить словъ въ монгольскомъ и турецкомъ, отличающихся въ фонетическомъ отношеніи одной только фонемой и совер-

1) Передъ словами, встрѣчающимися въ турецкомъ во *всѣхъ* нарѣчіяхъ по указанію словаря ак. Радлова, я не буду ставить никакого обозначенія, точно также и при монгольскихъ словахъ, взятыхъ въ формѣ «письменнаго языка»; во *всѣхъ* другихъ случаяхъ будетъ указываться привлекаемое для сравненія нарѣчіе.

2) О развитіи k > x на монгольской почвѣ см. Г. I. Рамстедтъ. Сравнительная фонетика монгольскаго письменнаго языка и халха'ско-ургинскаго говора (СПБ. 1908), стр. 8—10. (Въ дальнѣйшемъ это сочиненіе будетъ цитироваться sub. Р. Ф.).

3) О ѳ = г' см. РФ. стр. 18.

4) См. W. Radloff. Tšastvustik, ein in türkischer Sprache bearbeitetes buddhistisches sütra (St.-P. 1910), стр. 66. (Въ дальнѣйшемъ это сочиненіе будетъ цитироваться sub RТ.).

шенно одинаковыхъ въ семасіологическомъ отношеніи. Въ такомъ случаѣ можно установить соотвѣтствія такихъ несходныхъ фонемъ. Напр. Тур. ы соотвѣтствуетъ въ сходныхъ словахъ Монг. і и Тур. j соотвѣтствуетъ Монг. ц.¹⁾ Напр.

	Тур.	Монг.
Ал. Тел. Ком. Уйг. Осм. j ыл,	годъ	цiл
Уйг. Алт. тары,	пахать	тарі
Кир. К.-Кир. Осм. Крм. Алт. Ком. таны,	знать, узнавать	тані
Уйг. Ком. jaң,	нравъ, обычай	цаң

Значительное количество турецкихъ словъ отличается отъ соотвѣтствующихъ монгольскихъ только тѣмъ, что не имѣютъ на концѣ гласнаго звука. Напр.

Тур.	Монг.
Уйг. ук, понимать	ука
Уйг. бұт, исполниться, совершиться	бұтұ, бұте
Орх. Уйг. кѳк, синій	кѳке
кон, провести ночь	коно
ер, мужъ, мужчина	ере

Еще больше словъ, главнымъ отличіемъ которыхъ является въ монгольскомъ окончаніе ун²⁾, тогда какъ турецкіе эквиваленты его не имѣютъ. Напр.

Тур.	Монг.
Уйг. Дж. Кир. К. Кир. оі, умъ, разумъ	ојун
Уйг. Бар. коѳус, пустой	коѳосун
Орх. арыѳ, чистый	аріѳун
Уйг. Орх. Дж. Тел. кұч, сила	кұчұн

Привожу еще нѣсколько примѣровъ словъ одинаковыхъ по своему значенію въ монгольскомъ и турецкомъ и отличающихся лишь немного по своему звуковому составу.

Тур.	Монг.
Уйг. тылтак, причина	сілтаѳ ³⁾
Дж. Ком. Каз. кадак, гвоздь	кадаѳасун
Орх. Уйг. Дж. Крм. коі, којун, овца	конін, коні

1) Впрочемъ и на Тур. почвъ въ Каз. и Кир. имѣется въ этихъ случаяхъ Ц.

2) Что это за окончаніе, выяснитъ до сихъ поръ вполне не удалось; окончаніе ун извѣстно еще въ суффиксѣ сун (с+ун?), оконч. Genitiv. ун и въ формѣ дѣепричастія приглагольного на рун (р+ун). Срв. А. Д. Рудневъ. Матеріалы по говорамъ Восточной Монголіи. СПб. 1911. §§ 68 сл. (въ дальнѣйшихъ цитатахъ РМВ.).

3) Въ монгольскомъ языковомъ мірѣ хорошо извѣстны чередованія с и т; напр. сѳ, тѳ.

Уйг. та кы ку,	курица	та кѣ ба, та кѣ ја
Орх. т а л у і,	море	д а л а і
Орх. а л т у н,	золото	а л т а н
Уйг. Орх. т у ш,	падать, попадать	т у с
Алт. Ком. Уйг. ј а л ы н,	пламя	ц а л і
	ала,	пестрый
		а л а ъ
Орх. Уйг. Дж. Осм. Кир. к у т,	счастье	к у т у ъ

Какъ видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, имѣется значительное количество словъ совершенно одинаковыхъ съ фонетической и семасіологической стороны въ обоихъ языкахъ. Число такихъ примѣровъ можетъ быть увеличено; въ этомъ легко убѣдиться, хотя бы бѣгло просматривая монгольскіе и турецкіе словари. Приводя эти данныя, я старался подбирать примѣры почти исключительно изъ наиболѣе старыхъ нарѣчій языка турецкаго и монгольскаго; изъ языка турецкаго формы «орхонскія» и «уйгурскія», а изъ монгольскаго формы «письменнаго» языка, имѣющія притомъ эквиваленты въ современныхъ живыхъ нарѣчіяхъ. Еще больше можно было бы привести примѣровъ, если пользоваться матерьяломъ, предоставляемымъ современными турецкими и монгольскими нарѣчіями, а также, если привлечь слова, сходныя въ монгольскомъ и турецкомъ по своему звуковому составу, но отличающіяся между собой въ семасіологическомъ отношеніи. Такъ какъ это меньше можетъ служить для моихъ цѣлей, я не буду приводить примѣровъ изъ этой области.

Какъ видно, слова, общія какъ турецкому, такъ и монгольскому, встрѣчаются въ разнообразныхъ формахъ, въ формахъ именъ существ., числит., глаголовъ; тутъ встрѣчаются слова, обозначающія самые различные предметы, слова отвлеченныя, слова, употребляемыя для названія частей тѣла etc. Отмѣтить существованіе такихъ словъ, ихъ количество и ихъ роль въ обоихъ языкахъ тѣмъ интереснѣе, что одному изъ первыхъ изслѣдователей въ области алтайскаго языковѣдѣнія Г. І. Рамstedту пришлось указывать на явленія другого порядка. Напр. Г. І. Рамstedтъ¹⁾ считаетъ возможнымъ возводить монгольское р къ *з, на турецкой же почвѣ *з > з, такъ что монгольское р соответствуетъ турецкому з, что позволяетъ Г. І. Рамstedту считать, принимая во вниманіе и другія явленія, имя Ојірад за «точъ въ точъ то же самое что древне турецкое наименованіе О ъ у з²⁾».

садиться || Вост. Монг. т ѡ; Дербэт.-Астр. и письм. Ойр. х а с а б ч і, дверцы || Дербэт.-Кобд. х а т а б ч і. О чередованіи с и д, т въ письменномъ см. РФ. 19—20. Срв. РМВ. §§ 26 и 25.

1) Этимологія имени Ойратъ. Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр. т. XXXIV, стр. 553.

2) Ibid. 550.

3.

Возникаетъ вопросъ, не имѣемъ-ли мы дѣло съ заимствованіями, и при томъ очень ранними¹⁾, изъ одного языка въ другой, является вопросъ, не проникли-ли турецкіе элементы, элементы языка несравненно болѣе древняго и болѣе культурнаго, въ монгольскій языковой міръ.

Если мы обратимся къ древнѣйшимъ монгольскимъ памятникамъ, то найдемъ фактическое, документальное подтвержденіе того, что языковой міръ турокъ вліялъ на языковой міръ монголовъ. Въ старинныхъ монгольскихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ словъ несомнѣнно турецкаго происхожденія, которыя впослѣдствіи частью были утрачены монголами, частью же сохранились и донынѣ; не надо забывать того обстоятельства, что главная масса монголовъ, начиная съ 13 столѣтія, не входила больше въ непосредственное общеніе съ турками и подвергалась культурнымъ вліяніямъ уже другихъ сосѣдей. Съ турками сталкивались только западные монголы — ойраты; большинство же монголовъ, ушедшихъ на западъ съ Чингис-ханомъ и его преемниками, быстро отурчилось.

Обратимся теперь къ старымъ монгольскимъ памятникамъ. Киракосъ, армянскій писатель, составилъ въ 13-мъ вѣкѣ, т. е. на зарѣ монгольской исторіи, списокъ монгольскихъ словъ²⁾, среди которыхъ попадаются слѣдующія, несомнѣнно турецкаго происхожденія:

баскак, сборщикъ податей (Пат. II. 136), слово это въ Монг. яз. не существуетъ.

гог, кока, небо (Пат. II. 49), Тур. көк. Въ Монг. яз. въ такомъ значеніи не существуетъ; въ Монг. встрѣчается выраженіе көк ет(е)ңрі, голубое небо, напр. у кобдоскихъ дэрбэтовъ существуетъ восклицаніе: көкө теңрі! соотвѣтствующее русскому Боже мой!

кушчі, начальникъ охоты, преимущественно птичьей. (Пат. II. 139) Тур. кушчы, id. Въ Монг. не встрѣчается.

іѣз, лицо. (Пат. II. 48). Тур. жүз, id. Въ Монг. нѣтъ въ такой формѣ; въ Монг. встрѣч. цисун, цвѣтъ лица, масть, Калм. зусун.

1) Сравнительно конечно; не надо забывать, что монголовъ до 12—13 вѣка не существовало, какъ исторической единицы нельзя даже доказать, что они существовали этнографически; не то турки.

2) См. К. П. Паткановъ. Исторія монголовъ по армянскимъ источникамъ. СПб. 1874 2 вып. (цитируется sub Пат. II) СПб. также Howorth, History of the Mongols III, стр. 88.

бітікчі, писець, секретарь (Пат. II. 136). Монгольскій знаетъ формы бічіг, письмо, бічігечі, Хал. бічечі, писець. (О развитіи Монг. ч < т см. РФ. 11, тамъ же и о бітік-бічіг).

буркуј куш, орель (Пат. II. 48) Тур.? Въ Монг. нѣтъ.

тангиз, море (Пат. II. 48). Тур. теңіс. Въ письменномъ Монг. язъ слово это встрѣчается чрезвычайно рѣдко. Въ живыхъ нарѣчіяхъ, намъ извѣстныхъ, оно не встрѣчается, за исключеніемъ поволжскихъ калмыковъ, у которыхъ это слово во всеобщемъ употребленіи.

Много турецкихъ словъ находимъ мы въ монгольскомъ глоссаріи, составленномъ въ 13-мъ или 14-мъ вѣкѣ арабомъ-филологомъ, вѣроятно, въ сѣверной Персіи¹⁾. Встрѣчаются тамъ²⁾ напр.: тырнак, корыто; караеру́к, слива; армут, груша; аѣа, господинъ, вельможа; үккүз, быкъ; ала, пестрый; алп, богатырь, алтун, золото; үлгү, образецъ; оѣаѣ, очагъ; бөрүңцүк покрывало; булѣаѣ, свалка; булут, облако; боз, бѣлый; такук, курица; теңрікін елчиси, пророкъ; четүк, кошка; девү ече, тетка; тоѣан аѣаѣ, подножка котла; казѣан, котель; конок, гость; сајін гіші, краснорѣчивый; күңліг, күңлег, рубаха, (въ Калм. разгов. встрѣчается слово кіік, рубаха, это болѣе новое заимствованіе изъ Тур.); күргечі, барабанщикъ; П. М. Меліоранскій даетъ еще конъектуру, вокализируя это слово иначе: — кевергечі и сближаетъ съ Монг. кеңгергечі, барабанщикъ³⁾; конъектура его почти вѣрна, въ недавно открытыхъ уйгурскихъ памятникахъ встрѣчается форма кѣврүк, барабанъ; она, конечно, и попала къ тѣмъ монголамъ, языкъ которыхъ былъ извѣстенъ арабу-филологу; гүге, небо (см. выше, глоссарій армянскихъ писателей); јаѣы, врагъ; јылан, змѣя. Всѣ слова турецкаго происхожденія, перечисленные здѣсь, въ Монг. языкѣ не встрѣчаются; персидскіе монголы скоро отуречились, о языкѣ афганскихъ монголовъ можно судить по Mogholica Г. I. Рамстедта⁴⁾.

Далѣе въ монгольскихъ документахъ, найденныхъ недавно въ Восточномъ Туркестанѣ, носящихъ имена монгольскихъ хановъ 14-го и

1) См. П. М. Меліоранскій. Арабъ-филологъ о турецкомъ языкѣ (СПБ. 1900) стр. I—XXI.

2) П. М. Меліоранскій. Арабъ-филологъ о монгольскомъ языкѣ. (СПБ. 1903) [Въ цитатахъ АФМ.], стр. 107—155. Проф. П. М. Меліоранскимъ указаны всѣ слова турецкаго происхожденія.

3) П. М. Меліоранскій. id. стр. 148.

4) G. J. Ramstedt. Mogholica. Beiträge zur kenntnis der Moghol-sprache in Afghanistan (Helsingfors. 1905). Срв. также В. Бартольдъ. Къ вопросу о происхожденіи Кайтаковъ. (Этногр. Обзор. кн. 84 — 85, стр. 37 и слѣд.).

15-го вѣка, мы опять находимъ нѣсколько словъ, заимствованныхъ изъ турецкаго. Напр. ¹⁾.

бадман, мѣра=64 чаракъ, но мнѣнію F. W. K. Müller'a это слово иранскаго происхожденія, къ монголамъ попало изъ средне-персискаго (нехлевійскаго) при посредствѣ уйгуръ ²⁾, такъ же, какъ и нішан (ніша), штемпель, печать.

кѣк бука, чібің, јабабу (Тур. јабу), собств. имена, всѣ турецкія.

До сихъ поръ мы разсматривали памятники монголовъ, ушедшихъ на Западъ, вошедшихъ въ близкое соприкосновеніе съ турками и другими народами и впослѣдствіи исчезнувшихъ. Обратимся къ стариннымъ памятникамъ восточныхъ монголовъ, оставшихся послѣ Чингис-хана внѣ непосредственнаго общенія съ «чистыми» турками.

До насъ дошло, въ китайской транскрипціи и переводѣ, эпическое сказаніе, составленное, какъ думаютъ, въ Монголіи въ 1240 г. — Юань-чао-ми-ши ³⁾. Сказаніе это до сихъ поръ не издано и не изслѣдовано надлежащимъ образомъ. Пользуюсь неоконченнымъ литографированнымъ изданіемъ транскрипціи текста ⁴⁾, чтобы представить рядъ чисто турецкихъ словъ, заключающихся въ этомъ памятникѣ.

(теңгіс) тэнгис (сохраняется орфографія подлинника), — Тур. теңіс (см. выше, глоссарій армянскихъ авторовъ).

(цад) чжат, чужой; — Уйг. Дж. Каз. јат, Кир. цат, чужой въ Монг. нѣтъ, объ ј ~ ц см. выше.

(аріѳ усун) аріх усун, названіе урочища; первое слово турецкое — Орх. арыѳ, чистый, Монг. форма — аріѳун; второе слово — усун монгольское.

Наконецъ въ памятникахъ монгольскаго квадратнаго письма мы тоже встрѣчаемъ слова чисто турецкія. Такъ напр. въ грамотахъ вдовы Дармабала и Буянту-хана ⁵⁾ попадаются слѣдующія :

1) См. Sitzungsberichte der Königl. Preuss. Akad. der Wiss. 1909, статья G. J. Ramstedt'a Mongolische Briefe aus Idikut-Schähri bei Turfan, стр. 838—848.

2) id. стр. 847. Срв. это же самое слово въ Улігер-үн ном (Хылогр. 36 библиот. СПБ. Унив.). Примѣровъ, гдѣ бы слово «батман» встрѣчалось въ пехлевійскихъ текстахъ, Müller не приводитъ. Срв. попытку турецкой этимологии того же слова въ статьѣ Batman въ «Encyclopædie des Islam» (W. Barthold).

3) См. брошюру проф. А. М. Позднѣва (СПБ. изд. Русск. Археол. Общ. 1883 г.), а также Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, проф. В. В. Бартольда, ч. II стр. 43—44.

4) А. Позднѣвъ. Транскрипція палеографическаго текста «Юань-чао-ми-ши».

5) 1314 и 1321 гг. см. А. А. Бобровниковъ. Памятники монг. квадрат. письма. (СПБ. 1870), и проф. А. М. Позднѣвъ. Лекціи по исторіи монг. литературы (СПБ. 1897) т. II.

ба ъ, садъ ~ Тур. ба ъ, id. (изъ персидскаго языка), Въ Монг. въ такомъ значеніи слово это теперь неизвѣстно; Монг. ба ъ, охалка, связка, группа людей, юрть || орх. ба ъ, id. — другое слово

кебіт(д), лавка ~ Тур. (Уйг. Кар.) кебіт, id. Въ Монг. нарѣчіяхъ слово это извѣстно только у Воляскихъ калмыковъ, гдѣ можетъ быть позднимъ заимствованіемъ. Считать въ словѣ јорчікун, встрѣчающемся въ обѣихъ грамотахъ, появленіе ј вмѣсто Монг. ц > з турецкимъ вліяніемъ, какъ дѣлаетъ это проф. А. М. Позднѣевъ¹⁾, нѣтъ никакихъ основаній.

4.

Немногочисленны старыя памятники монголовъ и не всѣ приведены въ извѣстность, не велико поэтому количество нашихъ примѣровъ. Но, все-таки, и по нимъ можно судить о томъ вліяніи, которое имѣли турецкій языкъ и турецкая культура на монголовъ въ 13-мъ и 14-мъ вѣкахъ. Мы имѣемъ документальныя данныя, очень немногочисленныя правда, подтверждающія проникновеніе турецкихъ словъ къ той или другой части монгольскаго племени, и можно думать, что вліяніе это было гораздо значительнѣе, чѣмъ мы можемъ судить по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи фактическимъ даннымъ²⁾. Новыя открытія въ Восточномъ Туркестанѣ и изслѣдованія языка и культуры «уйгуровъ» проливаютъ новый свѣтъ и на монгольскій языкъ. Съ давнихъ поръ, конечно, было извѣстно, что письмо у монголовъ заимствовано отъ уйгуровъ³⁾, но вопросъ о времени и мѣстѣ возникновенія монгольскаго письменнаго языка попрежнему остается открытымъ; во всякомъ случаѣ нельзя уже теперь согласиться съ В. Laufer'омъ, когда онъ писалъ: «Vor dem Anfang des dreizehnten Jahrhunderts ist bei den mongolischen Stämmen von dem Gebrauch einer Schrift keine Rede»⁴⁾. Теперь на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій выясняется, что монголы позаимствовали отъ уйгуровъ кромѣ алфавита еще очень многое⁵⁾, что отразилось и на языкѣ; вмѣстѣ съ заимствованіями новыхъ понятій заимствовались и новыя слова. Какъ теперь выясняется, многочисленныя буддійскіе термины монголовъ, книжныя и сдѣлавшіеся достояніемъ живой рѣчи — уйгурскаго происхожденія, такъ что, когда въ 16-мъ вѣкѣ къ монголамъ, находившимся тогда въ періодѣ упадка послѣ изгнанія Юань-

1) Op. cit. стр. 103.

2) См. Бартольдъ. Туркест. въ эпоху монг. нап., стр. 416—423 и его же «Къ вопросу объ уйгурской литературѣ и ея вліяніи на монголовъ». Живая Старина. 1909, в. II и III.

3) См. В. Laufer, Skizze der mongol. Literatur, стр. 183. Keleti szemle, 1907, VIII, и проф. Позднѣевъ. Лекціи по исторіи монг. литер. т. I, стр. 144—150.

4) Op. cit., стр. 183, см. РФ. стр. 3.

5) См. выше указан. сочиненія проф. В. В. Бартольда.

ской династии изъ Китая, началъ проникать тибетскій буддизмъ въ формѣ ламаизма б Цоңкапа ¹⁾, то онъ воспользовался для своихъ цѣлей буддійскими терминами, занесенными въ старину къ монголамъ отъ уйгуровъ. вмѣстѣ съ распространеніемъ ламаизма среди западныхъ монголовъ-ойратовъ къ нимъ была занесена также терминологія. Но, въ послѣдующія эпохи монголы имѣли дѣло съ тибетскими и, можетъ быть, санскритскими книгами и поэтому у нихъ появились буддійскіе термины, заимствованные изъ этого новаго источника, иногда даже параллельные старымъ, уйгурскаго происхожденія. Сами монголы сохранили смутное представленіе о вліяніи на нихъ уйгуровъ и уйгурскаго буддизма; тибетскій ламаизмъ заслонилъ отъ нихъ бывшее культурное теченіе, слѣды котораго сохранились у монголовъ въ ихъ языкѣ.

Привожу перечень нѣкоторыхъ монгольскихъ буддійскихъ терминовъ уйгурскаго происхожденія, насколько это возможно, на основаніи работъ въ области уйгуриологии В. В. Радлова, F. W. K. Müller'a и барона A. von Staël-Holstein'a.

М. абішіѳ и абішіг, посвященіе, освященіе; слово книжное, въ живой рѣчи встрѣчающее рѣдко; Уйг. *avizik*²⁾ < Санскр. *Abhiṣeka*.

М. ајаѳа текімлиг, буддійскій монахъ; акад. В. В. Радловъ указалъ уже (RT. 49—50), что монголы, заимствуя этотъ терминъ, не поняли Уйг. выраженія *ajakka tekimlik*, *der Schale zukommend*, *der Schale angehörend*, *zur Schale passend*, принявъ турецкій *Dativ.* за *Nominativ.* Можно еще прибавить, что монголы осмыслили выраженіе ајаѳа текімлиг особымъ образомъ. Хотя вездѣ пишется текімлиг, монголы читаютъ такъ, какъ будто было написано *такімлиѳ*, сопоставляя это слово народно-этимологически со словами: *такімда*, оказывать почтеніе, почитать, *такімдал*, почитаніе, *такіл*, жертва. Слово ајаѳа < Уйг. *ajak* + *k(r)a*, заимствованное въ *dativ.*, стало у монголовъ живымъ словомъ, извѣстнымъ, повидимому, у всѣхъ монгольскихъ племенъ: Хал. *ajajaj*, Вост. Монг. *ajfa*, Бур. *ajaḡa*, Ойрат. *ajfa*, — чаша. И тогда выраженіе ајаѳа текімлиѳ стало понимасмо монголами, какъ «принимающій жертву

1) Транскрибирую тибетское написаніе этого слова; монголы читаютъ это слово невѣрно, хотя особо приспособленной азбукой (галикомъ) они передаютъ его правильно. Русскими авторами слово это приводилось въ монгольскомъ чтеніи, напр. проф. А. М. Позднѣевъ писалъ Цзонхава.

2) См. F. W. K. Müller, *Uigurica. Abhandlungen der könig. Preuss. Akad. der Wissen.* 1908, стр. 34. (Въ дальнѣйшемъ будетъ цитироваться *sub Mül.* съ указаніемъ страницы текста; — въ случаѣ указанія авторами F. W. K. Müller'омъ, В. В. Радловымъ на монгольскій эквивалентъ, мною это отмѣчается). Объ отношеніи уйгурскихъ формъ къ санскритскимъ etc. см. Baron A. von Staël-Holstein, *Bemerkungen zu den Brähmīglossen des Tisastvustik-Manuscripts. Biblioth. Budd. XII.*

чашей, въ чашѣ». Интересно отмѣтить, что у монголъ очень часто встрѣчается написаніе ајаѳ ѳа (ајақ қа) текімліг(к), совершенно какъ въ уйгурскихъ памятникахъ.

М. арбіс, арвіс, арјіс, знаніе, слово книжное; Уйг. арвыш, арјыш (RT, 54—55, указ. Монг. эквивалента), id.

М. асаңѳі, сто тысячъ билліоновъ, Санскр. asankuā слово книжное; Уйг. асаңы (W. Radloff, Uigurische Sprachdenkmäler (печатается) стр. 37—38), id.

М. бакші, учитель вѣры, слово очень распространенное среди монголовъ, Уйг. baχši (Mül. 47) (бакшы) < Санскр. bhikṣu.

М. барамід, = Санскр. pāgamitā; слово книжное, но, всетаки, болѣе или менѣе ставшее и достояніемъ живой рѣчи, часто встрѣчается въ духовныхъ пѣснопѣніяхъ; Уйг. парамыт (барамыт). (W. Radloff, Uig. Spr. 37—38), id.

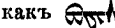
М. бачаѳ, мачаѳ¹⁾, постъ, хорошо извѣстное слово и въ живой рѣчи; Уйг. бачак, id. (W. Radloff, Chuastuanit. (S.-Pbg. 1909), стр. 33. указ. на Монг).¹⁾

М. белге біліг, высшее знаніе мудрость; первое слово белге, знакъ, примѣта, второе — біліг, знаніе, мудрость; Уйг. пілке пілік (білге білік) (RT. 3), вѣдающая мудрость, знаніе. Въ Тур. оба слова происходят отъ глагольной основы біл, знать. Монголы спутали білге съ встрѣчающимся и въ уйгурскомъ словомъ белге, белгү, знакъ, примѣта или, можетъ быть, съ имѣвшимся уже у нихъ самихъ эквивалентомъ белге, id. Слова біліг, белге и белге біліг хорошо извѣстны въ современныхъ нарѣчіяхъ, слова же біл (біл), знать въ Монг. не существуетъ.

М. бодісату, бодісаду, бодісатуа, бадісатва, бодисато бодісуѳ, бодісуг, бодісуң, бодһі сад (Ойрат. письм. формы) = санскр. bodhisattva; Уйг. бодісвт, бодіств (см. baron von Staël-Holstein, op. cit. 140—142, putistv, putisvt; Müller транскрибируетъ bodistv). Монгольскія транскрипціи объясняются уйгурскимъ начертаніемъ этого слова. Монголы при перепискѣ съ уйгурскаго вокализировали с и принимали т за у, в за ѳ или ѳ, г.²⁾ Форма бодһі сад, вѣроятно, пришла въ ойратскую письменность уже изъ другого источника.

М. букар, монастырь; слово книжное, встрѣчается рѣдко; въ живыхъ діалектахъ неизвѣстно; Уйг. вахар³⁾ (бакар) = Санскр. vihāra, id. (Mül. 47).

1) О чередованіи б и м на монгольской почвѣ см. РФ. 36.

2) Т. е. читали какъ или

3) Транскрипція F. W. K. Müller'a.

М. буѣан, добродѣтель, добро, благодѣяніе, очень распространенное слово и въ живыхъ діалектахъ, Бур. буѣан, буиң, Хал. буиң, Ойр. буїн; какъ имя собствен., напр. Буїн-кишік (Ойр.); Уйг. буѣан, verdienstvoll (Mül. 15).

М. буркан, Хал. бурхă, Бур. бурхăн, Калм. бурхн, Buddha; «бурханъ»; Уйг. буркан (burġan по Müller'y) см. baron von Staël-Holstein, op. cit. Nachtrag.

М. вачір, очір, = санскр. vajra, священный скипетръ, алмазь, шарикъ на шляпѣ чиновниковъ, собствен. имя; извѣстно и во всѣхъ живыхъ діалектахъ; Уйг. vzir и vzir (Mül. 18).

М. енеткег, назв. Индія; слово книжное, но извѣстное всѣмъ болѣе или менѣе образованнымъ монголамъ; Уйг. енеткек (Mül. 14).

М. ердем, способность, дарованіе, искусство; слово это извѣстно и въ живыхъ говорахъ; Уйг. ердем, id. (Mül. 20).

М. ердені, = санскр. ratna, драгоцѣнность, императорская печать, собствен. имя; очень распространенное слово и въ живыхъ діалектахъ; Уйг. ертіні (RT 30), ертені (Radloff. Uig. Spr. 38), id. Въ Монг., письмен. яз. встрѣчается форма ратна, болѣе позднее заимств. см. выше.

М. јіртінчү, јертінчү, Ойр. письмен. јертінцү, Бур. јүртенсе, јүртүнсү, Калм. јіртмці, міръ, вселенная; общеизвѣстное слово; Уйг. јіртінчү, (јертінчү || јер, јір) (RT. 8). Происхождение этого термина, какъ и другихъ уйгурскихъ буддійскихъ, неопредѣлено еще; уйгурская терминологія создавалась подъ разнообразнѣйшими вліяніями. Въ данномъ случаѣ возможно и тибетское; Тиб. 'jig-rten (цјртен), міръ¹⁾.

М. цула, Хал. зула, Калм. зула, лампада, свѣтильня; общеизвѣстное слово; Уйг. јула, id. (Mül. 22).

М. калаб, = Санскр. kalpa; слово болѣе или менѣе извѣстное и въ живыхъ діалектахъ; Уйг. қалб.

М. кувараб, Хал. хувăрăк, буддійскій монахъ, очень распространенное слово; Уйг. қуврак (RT 48, объясненіе и ссыла на Монг.).

М. лабаі, труба изъ морской раковины; Уйг. лабаі (Mül. 22) труба.

М. ном, книга, священная книга, ученіе, законъ, явленіе предметъ; Уйг. ном, id.

М. номла, учить, проповѣдовать; Уйг. номла (RT 7) id.

Оба эти слова во всеобщемъ употребленіи у монголовъ.

1) См. проф. О. Ковалевскій, Буддійская космогонія. Ученыя Записки Казанскаго Университета, 1837 г.; стр. 391.

М. нірван, = Санскр. nirvāṇa, слово книжное; Уйг. нырван (Mül. 21) id.

М. самаді, = Санскр. samādhi, слово книжное; Уйг. саматі (baron Staël-Holstein op. cit. 131).

М. сіді (шіді) = Санскр. siddhi; новѣйшая Монг. форма сідһі, Ойр. письмен. сідһі; Уйг. сіді, id. (Mül. 32).

М. шаріл, = Санскр. śarīra; Уйг. širir (Mül. 47).

Въ Монг. яз. сіді и шаріл извѣстны въ средѣ ламъ, хотя бы и не грамотныхъ по-монгольски.

М. сілүг (шилүг), = Санскр. śloka, слово книжное, Уйг. слок (Mül. 26).

М. судур, = Санскр. sūtra; въ живыхъ діалектахъ значить еще «книга», «священная книга»; Уйг. сутур (baron Staël-Holstein, стр. 133).

М. тітім, корона, діадема; слово книжное; согдійское δίδιμ = διαδημα (Mül. 47); Уйг. форма еще неизвѣстна, вѣроятно тітім; монгольское заимствование указано Müller'омъ.

М. діжан = Санскр. dhyāna; слово книжное; Уйг. тјан (baron Staël-Holstein, 134), дѣан (Müller'у, стр. 18); транскрипція Müller'a по всей вѣроятности не вѣрна, это показываетъ монгольская форма діжан < Уйг. тјан¹⁾, въ выше приведенныхъ примѣрахъ много образцовъ такой вокализации на монгольской почвѣ.

М. тојін, духовная особа; въ живыхъ діалектахъ тојін'омъ называютъ теперь духовныхъ особъ только княжескаго дома²⁾; Уйг. тојын (RT 62, Staël-Holstein 138, объяснение и указание на Монг.).

М. тңрі (изрѣдка теңрі); раньше полагали, не зная уйгурской формы, что пишется теңрі, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ не вокализованную на монгольской почвѣ форму³⁾; Ойр. письмен. теңгері; небо, небожитель; Уйг. тңрі, id. (R. T 51, объяснение и указание на Монг.).

М. чамбудвіб, чамбудіб, = Санскр. Jambudvīra; слово книжное; Уйг. (чамбутівіб) чампутівіп (RT 26, Staël-Holstein, 135).

М. шафшабад, обѣтъ; слово книжное; Уйг. чксант (W. Radloff, Chuastuanit, 35—36 объяснено), id.; не вполне понятно появленіе въ Монг. ш || Уйг. ч.; можетъ быть опять невѣрное чтеніе?

1) Транскрипція В. В. Радлова.

2) Это последнее значеніе уже отмѣчено А. Рудневымъ въ Библиографической замѣткѣ (Бартольдъ, Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія) Сибирскій Сборникъ (прил. къ Вост. Обзор. 1902 г.) стр. 198.

3) Очевидно монг. форма была прямо переписана изъ уйгурскихъ книгъ; о чтеніи и уйгурской письмен. формѣ см. RT. 51.

М. шастір, = Санскр. śāstra; въ современныхъ живыхъ діалектахъ словомъ этимъ еще обозначаютъ иногда отдѣль особаго рода пѣсенъ; Уйг. шастр (Mül. 13) id.; опять примѣръ вокализации на Монг. почвѣ.

М. убасанча, = Санскр. upāsikā; слово извѣстное и въ живыхъ говорахъ; мірянка, принявшая нѣкоторыя монашескія обѣты; согдійское upasaṇṣ (см. Mül. 47, объясненіе и указаніе на Монг.; тамъ же см. о сібаѣанча, сіманча).

Какъ видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, уйгурскія слова, сами по себѣ различнаго происхожденія, переносясь на монгольскую почву, сохраняютъ почти неизмѣнно свой видъ со стороны звуковой и семасіологической. Вокализация уйгурскаго письма, на которую приходилось обращать вниманіе, происходила, собственно говоря, не на монгольской почвѣ, а на уйгурской. Какъ это было указано академикомъ В. В. Радловымъ на примѣрѣ тңрі || теңрі (RT 51), уйгурскія фонемы не соотвѣтствовали графемамъ; уйгуры, конечно, никогда не произносили чксант, тңрі, бодіств и монголы заимствовали отъ уйгуровъ ихъ чтеніе; иногда, впрочемъ, монголы брали слова въ ихъ графической формѣ, при чемъ порой переписывали невѣрно, что давало начало особымъ монгольскимъ формамъ. Въ общемъ, можно сказать, уйгурскія формы, становясь достояніемъ монголовъ, не измѣнялись и сохранились до сего времени какъ въ письменномъ монгольскомъ языкѣ, такъ въ различныхъ монгольскихъ нарѣчіяхъ. Въ данномъ случаѣ на долю монгольскаго языка выпадаетъ удѣль хранителя старыхъ турецкихъ формъ. Уже теперь, какъ это видно изъ работъ акад. В. В. Радлова и F. W. K. Müller'a, очень многое объяснилось благодаря сохраненію уйгурскихъ заимствованій въ монгольскомъ, такъ будетъ, конечно, и дальше.

Но, еще большее значеніе имѣетъ открытіе уйгурскихъ заимствованій въ монгольскомъ для самого монгольскаго языка. Они характеризуютъ съ документальной наглядностью, какую огромную роль сыгралъ турецкій языкъ въ образованіи стараго монгольскаго языка. Примѣръ ајаѣа текімлігъ показываетъ, что турецкіе элементы не оставались мертвымъ баластомъ, но жили въ языковомъ монгольскомъ мірѣ на ряду съ другими элементами, его составляющими.

Вотъ еще рядъ примѣровъ заимствованныхъ собственныхъ именъ, названій различныхъ геніевъ, названій животныхъ — все изъ буддійскаго обихода.

Монг.

Уйг.

Абіда, Amitābha

(Абіда) abita (Mül. 32).

Акшоби, Akṣobhya

• (Акшоби) ākšobi (id.).

Монголы сохранили начертаніе к, (г), какъ въ уйгурскомъ, хотя должны бы были писать к (б), разъ они вокализировали черезъ а первый слогъ, элифъ въ уйгурскомъ¹⁾.

А с у р і,	Asura	А с у р і (b. Staël-Holstein 124)
Е с р о а, Е с р о н,	Brahma	Е с р о а (Езроа. W. Radloff,

Alttürkische Studien, Изв. Имп. Акад. Наукъ 1909, стр. 1218—19). Благодаря тому что начертаніе а и н не отличаются другъ отъ друга, монголы вполне основательно могли читать и Есроа и Есрон, очень можетъ быть, что такіа чтенія существовали и у самихъ уйгуровъ.

К ор му с та, Indra Çatakratu	К ор му с та (b. Staël-Holstein, 97).
л у, драконъ	л у (RT).

Вмѣстѣ съ буддійскими терминами, съ буддійской литературой попадали къ монголамъ и другія слова — культурные термины. Нѣкоторые изъ такихъ заимствованій уже теперь легко опредѣляются на основаніи новооткрытыхъ уйгурскихъ текстовъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Монг.	Уйг.
арад, народъ	ер ат (объяснено у Радлова, RT 50).
бѣс, названіе матеріи	бѣс (R. Uig. Spr. 10).
емчі, врачъ	емчі (Mül. 7).
ед тавар, имущество, товары	ет тавар (объяснено у Радлова, RT 51).
дебтер, книга, тетрадь	тѣбтер (R. Uig. Spr. 58).
черіг, воинъ, войско	кшетрік (Санскр. kṣatriya) > черік (объяснено у Радлова, RT, 63).

Затѣмъ мы находимъ въ старыхъ уйгурскихъ памятникахъ значительное количество словъ, совершенно сходныхъ по своему значенію съ соответствующими монгольскими словами и очень близкихъ другъ другу по своему звуковому составу. Напр.:

Монг.	Уйг.
ку д у б	ку д у к (Mül. 8), колодезь
бу л у н	бу л у н (R. T. 4), уголь

1) См. RT, стр. 52.

чечегліг

туса

арсалап, арслан

чечеклік (R. Uig Spr. 79) цвѣтникъ

тусу (Mül. 25), польза

арслан, левъ¹⁾

5.

Всѣ тѣ явленія, на которыхъ пришлось остановиться, выдвигаютъ вопросъ о вліяніи турецкаго языка на монгольскій. Выдвигается вопросъ, нельзя ли открыть въ монгольскомъ языкѣ другихъ заимствованій изъ турецкаго? Какого это рода заимствования и какая ихъ роль, какое положеніе и значеніе въ монгольскомъ языкѣ? Въ данномъ случаѣ мы наталкиваемся, при попыткѣ приступить къ рѣшенію этихъ вопросовъ, на огромныя затрудненія. Если въ выше приведенныхъ примѣрахъ заимствования опредѣлялись очень легко, подтверждались документальными данными, то теперь, при опредѣленіи турецкихъ заимствованій въ монгольскомъ вообще, приходится имѣть дѣло съ однимъ факторомъ, крайне затрудняющимъ изслѣдованіе. Дѣло въ томъ, что невозможно при опредѣленіи взаимныхъ заимствованій изъ турецкаго въ монгольскій и обратно пользоваться фонетическимъ анализомъ. Всякое турецкое слово, попавъ на монгольскую почву, не будетъ противорѣчить фонетическимъ представленіямъ монгольскаго языковаго міра и наоборотъ. Такъ напр., если предположить, что слово кара, «черный» — турецкаго происхожденія заимствуется монголами, то оно является тамъ тоже въ формѣ кара, отвѣчая всѣмъ языковымъ представленіямъ Монгола, позаимствовавшаго это слово отъ Турка. «Критерія, по которому мы заключаемъ о непринадлежности извѣстнаго слова данному языку и о его иноязычномъ происхожденіи, мы должны искать въ его фонетическихъ, морфологическихъ и даже семасіологическихъ особенностяхъ», писалъ проф. С. К. Буличъ²⁾. «Мы узнаемъ заимствованныя слова по ихъ строенію или виду, чуждому для того языка, въ который они попали, т. е. противорѣчающему его звуковымъ и прочимъ законамъ». Въ будущемъ, быть можетъ, когда изученіе монгольскихъ и турецкихъ нарѣчій достигнетъ совершенства, и въ той области, въ области турецко-монгольскихъ языковыхъ сношеній можно будетъ оперировать анализомъ фонетическимъ, но и то въ очень ограниченномъ размѣрѣ; теперь же мы можемъ искать турецкіе элементы въ монгольскомъ языкѣ въ морфологическихъ и отчасти семасіологическихъ особенностяхъ, обнаруживающихъ ихъ иноязычное происхожденіе.

1) На заимствование этого слова монголами указывалъ Quatremère, Journ. Asiat. 5 sér. XI, 153 — 155.

2) Церковнославянскіе элементы въ ... русскомъ языкѣ. СПб. 1893.

Привожу теперь рядъ примѣровъ такого разбора.

Возьмемъ монгольское слово кесег (Хал. хесёк), «часть, кусокъ, обрѣзокъ», слово это очень распространенное, какъ въ письмен. языкѣ, такъ и въ живыхъ нарѣчіяхъ. На Монг. почвѣ слово это необъяснимо. Въ турецкомъ же мы встрѣчаемъ это слово въ Дж., Осм., Кар., Тар.; происхожденіе его понятно: *v.* кес, рѣзать, отрѣзать (Уйг. Дж., Тар., Осм. и др. нарѣчія) — аффиксъ *e* — *k*, аффиксъ *k*, *k* очень распространенъ въ турецкихъ нарѣчіяхъ¹⁾. Монголы, очевидно, позаимствовали это слово цѣликомъ и морфологическій составъ слова ими не создавался. Подобныхъ примѣровъ въ Монг. яз. можно найти много. Напр.:

Монг. табіѣ, жертва, служба; Тур. Орх. тапык, Дж. тапук, Уйг. табук, — служба < *v.* тап, почитать (Орх., Уйг., Осм.) — аф. *k*.

Монг. кѳрѣг, изображеніе, картина, образъ; Тур. Орх. кѳрѣг, разсматриваніе, Шар. кѳрѣг, видъ, фізіономія, Осм. гѳрѣк, взглядъ, видъ < *v.* кѳр видѣть, глядѣть — аф. *k*.

Монг. тајаѣ, разг. тајік, палка; Тур., Уйг., Дж., Ком., Кир. и др. нар. тајак, палка < *v.* таја, подпирать (Крм.) (ср. Туркм. тајау, подпора, Уйг. тајан, опираться) — аф. *k*.

Монг. емгег, поврежденіе, печаль, скорбь; Тур., Уйг., Ком., Дж. емгек, трудъ, страданія, мученія, бѣда < *v.* емге, мучиться (Уйг.) — аф. *k*.

Монг. бѳлѣг, отдѣлъ, глава, отрядъ; Тур. бѳлѣк, отдѣлъ, глава, etc. < *v.* бѳл, дѣлить, отдѣлять — аф. *k*.

Монг. біліг (см. выше, гдѣ говорилось о белге біліг), мудрость; Тур. bilig, id. < *v.* bil, знать — аф. *k*.

Монг. сураѣ, суруѣ, слухъ, вѣсть, извѣстіе, разспросы, освѣдомленіе; въ Монг. языкѣ глаголъ сур, въ значеніи «спрашивать» встрѣчается почти исключительно только у ойратовъ, обычная форма письмен. яз. для глагола «спрашивать» асаѣу; Тур., Дж., Койб., Тар. сурак, вопросъ, просьба; Осм. сора~~к~~, Дж. сораѣ, вопросъ, разслѣдованіе; осм. сорук, вопросъ < *v.* сура, спрашивать (Дж., Тар., Алт., Кар., Кир. и др. нар.) — *k*; сор, спросить (Осм., Крм., Ком.) — *k* (ак) (сор = сура).

Въ послѣднемъ случаѣ въ Монг. языкѣ помимо поменъ съ аффиксомъ *k* = *ḡ* (*k*), объясняемаго только изъ языка турецкаго, оказывается еще и *verb.* совершенно сходный съ соотвѣствующимъ турецкимъ. Такихъ случаевъ можно обнаружить очень много и получается тогда слѣдующее: въ Монг. и Тур. существуютъ два одинаковыхъ *verb.* напр. Монг. ца~~са~~, исправлять,

1) См. W. Radloff. Die Alttürk. Inschrift. der Mong. Neue Folge. St.-P. 1897, стр. 56—57.

устанавливать, сооружать и Тур. (Уйг., Тар., Кир., Каз., Дж. и др.) *јаса*¹⁾, сдѣлать, соорудить, созидать, приготовить, поправить; затѣмъ въ обоихъ же языкахъ существуютъ *поша*, образованныя отъ этихъ глаголовъ, Монг. *цасаб* (Хал. *засак*), законъ, законный порядокъ, установление, управление, наказаніе и Тур. (Осм., Дж., Каз.) *јасак*, законъ, постановленіе, уложеніе, запрещеніе, дань, причеиъ эта форма объясняется только изъ языка турецкаго: *јасак* < *v. јаса* + аф. к. Можно поэтому, въ данномъ случаѣ, говорить о заимствованіи изъ турецкаго въ монгольскій только формы *јасак*; что же касается до глагола *јаса* || *цаса*, то судить о заимствованіи его монголами изъ турецкаго пока не приходится.

Тоже самое явленіе можно иллюстрировать еще слѣдующими примѣрами:

Монг. *коноб* (Халх. *хонѡк*), ночлеги, почевка, сутки, пространство однодневнаго пути; *v. коно*, ночевать; Тур. (Бар., Кир., Шор., Ком., Дж., Ост.) *конак*, сутки, ночлеги, гости; (Уйг., Дж.) *конук*, гости (т. е. тотъ, кто остановился у кого-нибудь), (Алт., Тел. Леб.) *конок*, сутки, жизнь < *v. кон* (Орх., Уйг., Ком., Дж., Дем. и др. нарѣч.) остановиться, расположиться на житье, осѣсть (значеніе болѣе широкое, чѣмъ монгольское *коно*), остановиться и переночевать, жить, прожить + аф. а + аф. к.

Монг. *амараб*, *амураб*, — другъ, любезный, милый, любимый *v. амара*, *амура*, — быть спокойнымъ, чувствовать удовольствіе, утѣшаться, *v. аму*, успокоиваться, отдыхать, проводить жизнь въ удовольствіе и. т. п. *амарамаб*, — желаніе, любовь; Тур. Уйг.²⁾ *амрак*, спокойный, Ком., Алт., Крм., Тел., Тар. *амрак*, спокойный, мирный < *v. *амра* (ср. Уйг. *амранмак*, *das in Ruhe Sein*, Алт. *амран*, жить въ спокойствіи, отдыхать < *v. ам(ы)ра* + н, + н + *мак*) + аф. к.

Затѣмъ мы встрѣчаемъ въ монгольскомъ языкѣ пошепа *verb.* оканчивающіеся на а, е, и объясняемые только изъ турецкаго языка, какъ образованія именъ отъ глагольныхъ корней при помощи аффикса а, е и наоборотъ образованія глаголовъ отъ именъ³⁾. Такого словообразованія монгольскій языкъ не знаетъ. Напр.

Монг. *цака*, край, берегъ, воротникъ, граница (но *v. јаѣала*, обшивать, оторачивать!); Тур., Уйг., Дж., Осм., Каз. *јака*, Алт. *јакка*,

1) О ц || ј см. выше; въ калмыцкомъ не (*цаса*) *заса*, а *јаса*; у армянскаго писателя Магакіи мы находимъ формы *јасак*, *јаса*, собраніе опредѣленій, законъ, наказаніе. Пат. I, 24. Мусульманскіе писатели называютъ постановленія Чингисхана *ясой* (см. Бартольдъ, Туркестанъ въ эпоху монг. наш., ч. II, стр. 420).

2) R T. 51—52.

3) Объ этомъ образованіи см. проф. П. М. Меліоранскій. Арабъ-филологъ о турецкомъ языкѣ. (СПб. 1900), стр. LXXVII.

Крм., Бар., Леб. јаџа Кир. цака, воротникъ, край, граница, берегъ (v. јакала, јакала, јаџала, пришить воротникъ, схватить за воротникъ, идти вдоль берега) — < v. jak (Уйг., Дж., Тар., Алт., Леб., Ком., Бар., Каз.), приблизиться, подходить — аф. а.

Монг. сана, думать, мыслить, помнить (въ живыхъ діалектахъ еще скучать); Тур., Дж., Осм., Ком., Крм., Каз., Кир., Алт., Тел. сана, считать, цѣнить, думать, подумать, припомнить, намѣреваться — < п. сан (Орх., Уйг., Дж., Осм., Ком., Кир. и др.) счетъ, число — аф. а.

Монг. кана, пускать кровь (по Монг. «кровь» — чісун); Тур. кана, пускать кровь — < п. кан (въ діалекты) кровь — аф. а.

Монг. јара, рана, язва; Тур. (Ком. Дж. Осм. Крм. Каз.) јара, id. — < v. јар (Орх. Уйг. Дж. Осм. Ком. Ад. Алт. Тел. Леб.) расщепить, разбить, раздвинуть — аф. а.

Въ монгольскомъ языкѣ встрѣчаемъ мы пом., оканчивающіеся на бучі, напр. аңбучі, охотникъ, при пом. аң дичь, звѣрь; образованія именъ и именныхъ основъ при помощи бучі въ монгольскомъ неизвѣстны; аф. бачі, гечі служить для образованія именъ отъ глагольныхъ основъ¹⁾. — Объясненіе находимъ въ турецкомъ. Тур. аңбучы, id. < v. аң, охотиться — бучы — аф. для образованія помен agentis (бу — чы)²⁾.

Тоже самое Монг. царбучі, судья (у Араба-филолога јарбачы, правитель, судья). На монгольской почвѣ можно думать, что царбучі < царбу судъ — аф. чі, но этимологія самого царбо (царбу) необъяснима; объясненіе мы находимъ опять въ турецкомъ. Тур. Дж. јарбучы, судья, Тел. јарбычы, id. Ком. јарбуцы, id. Кар. јарбуцу, id. Осм. јарбыцы — < v. јар (Орх. Уйг. Каз.) обсудить, судить; v. јар > јарбу (пом. verbale при помощи аф. бу³⁾) судебное рѣшеніе, процессъ, тяжба, судъ, судебный приговоръ (Бар. Ком. Дж. Кар.), јарбы (бы || бу), рѣшеніе, судебное рѣшеніе (Осм. Алт. Леб. Тел.) — аф. чы, такимъ образомъ получается аф. для образованія помен agentis бу — чы.

Во всѣхъ вышеприведенныхъ случаяхъ монгольскія слова объяснялись существующими, живыми формами языка турецкаго, оставаясь на монгольской почвѣ неразложимыми. Монголь, разумѣется, абсолютно не чувствуетъ этимологическаго состава напр. слова кана > ханай, пускать кровь, не зная совершенно такихъ словообразованій при помощи аф. а, не зная слова кан и имѣя для обозначенія понятія кровь чісун. Не то Турокъ; онъ во-первыхъ обладаетъ общераспространеннымъ словомъ кан, кровь, во-вторыхъ въ

1) См. А. Д. Рудневъ, Лекціи по грам. монг. яз., стр. 60.

2) См. W. Radloff, Die Alt. Inschr., N. F., 97.

3) W. Radloff, ibid.

головѣ его живутъ ряды: *pošen* + *a* > *verbum*, *verbum* + *a* > *pošen*, и взятое имъ откуда-нибудь новое слово легко становится въ эти ряды.

Въ дальнѣйшемъ, приводя рядъ турецкихъ заимствованныхъ словъ въ монгольскомъ я буду стараться обнаружить ихъ морфологическое строение, чуждое для языка монгольскаго, но понятное и живое и живущее въ турецкомъ языковомъ мірѣ.

Монг. *кѡгѡркѣн*, *кѡгѡрекѣі*, Халх. *хѡрхѣ*, Ойр. *кѡркѡ*, миленькій, бѣдняжка; Тур. (Уйг., Дж.) *кѡрк*, красота, Дж. *кѡркѣм*, красивый, прекрасный, Кир. *кѡркѡ*, красота, Тел. *кѡркі*, жалко!, Алт. Тел. Ккир. *кѡркѣ*, красивый, прекрасный — все помина образованныя отъ глагольной основы *кѡр* (Орх. Уйг. Дж. Ком. Алт. Кир. и др.) видѣть, глядѣть¹). Въ монгольскомъ языкѣ слово это заимствованнымъ изъ турецкаго и архаизированнымъ признаеть и Г. И. Рамstedтъ (РФ. 53).

Монг. *барі*, вполне, совсѣмъ, совершенно; Тур. (Кир.) *бѣрі*, все < *бар* + *і* (см. П. М. Меліоранскій. Грам. Казакъ-Киргиз. языка, ч. I, стр. 19).

Монг. *баса*, еще, опять; Тур. (Алт. Тел. Леб. Койб. Саг.) *паза*, Уйг. *баса*²), Дж. *баса*, еще — < *в. бас* (Уйг. Алт. Тел. Койб.) + *а*, окончаніе дѣепричастія; || *јана*, назадъ, опять, снова < *в. јан* возвратиться + *а*, окончан. дѣепричастія.

Монг. *ѣарім*, Калм. *зѣрім*, нѣкоторый, иной, половина; Тур. Уйг. Ком. Осм. Каз. Алт. и др. *јарым*, Кир. *ѣарым*, половина, полъ < *в. јар* (Орх. Уйг. Дж. Осм. Кар. Ком. Алт. и др.) расщепить, раздвинуть, разбить + *аф. м.* (см. W. Radloff, Die Alttürkisch. Inschrift. N. F. стр. 58—59); появленіе *і* въ монгольскомъ словѣ во второмъ слогѣ тоже объясняется только изъ турецкаго.

Монг. *ѣерліг*, дикій, полевой; при *в. ѣерлігле*, предать землѣ, похоронить!; въ составъ обоихъ монгольскихъ словъ входитъ заимствованное турецкое (почти всѣ діалекты) слово *јер*, земля. Затѣмъ Тур. (Дж. Тар.) *јерлік*, имѣющій землю, туземецъ, Тел. *јерлік*, дикій, живущій въ дикомъ состояніи — < *јер*, земля + *аф. лік*; Осм. *јерлі*, имѣющій мѣсто, относящійся къ землѣ < *јер* + *лі*.

Монг. *ѣілві*, *ѣілбі*, *јілві*, *јілбі*, *јелві*, *ілбі*, письмен. Ойрат. *јелві*, *јелбі*, обманъ, волшебство, навожденіе, призраки, хитрость, обольщеніе; Тур. Уйг. *јілві*, *јелві*, навожденіе, страсть, повѣтріе³),

1) См. В. В. Радловъ. Опытъ словаря тюркскихъ нар. Т. 2, W. Radloff, Altürk. Inschrift. N. F. 56—57.

2) Müller транскрибируетъ *baša* (Müll., 29).

3) См. W. Radloff. Chuastuanit, стр. 30 и RT, стр. 63.

Тел. *jilbi*, жадность, страсть, обольщеніе, соблазнъ, *v. jilbilen*, страстно желать, быть страстнымъ, Тел. *jelbū* (< *jelbi* + *ū*), вѣяніе, сквозной вѣтеръ, Алт. Тел. Леб. *jelbi*, произвести вѣтеръ, развѣвать, Тел. *jelbik*, простудиться, Ком. *jelni*, развѣвать, Уйг. *jelvik*, von Senchen (Luftkrankheiten) angesteckt werden¹⁾ — < *jel* (Уйг. Дж. Осм. Крм. Тар. Алт. Леб.) вѣтеръ, воздухъ, повѣтріе, эпидемія, + различныя окончанія.

М. *ćimis*, *ćimes*, Ойрат. письмен. *земіс*, *земес*, Арабъ-филогъ — *ćimіш*, Дербет. Кобд. *земіс*, *ćimis*, плоды, фрукты, ягоды; Т. Уйг. *jimіш*(с), *jemіш*(с), id.²⁾, Крм. Ком. Осм. Дж. Кар. *jemіш*, id.; Алт. *jemіш*, пища, кормъ, Тел. *jemіш*, добыча хищныхъ животныхъ < *v. je* (Уйг. Осм. Дж. Крм. Тир. Ккир. и др.) ѣсть, кушать, наслаждаться, + *міш* окончаніе причастія; Тур. форма *jemіш*, есть «омертвѣлое» причастіе и въ такомъ видѣ и позаимствовано монголами.

М. *ćiroǰa*, Хал. *ćorǰ*, Дербэт. Кобд. *ćorǰā*, *ćorǰ* иноходець; (*v. ćorći*, шествовать, выступать, идти, въ памятникахъ квадратнаго письма *jorći*, id.; *ćori*, вознамѣрится, рѣшится стрѣмиться); Тур. Осм. Дж. *jorǰa*, иноходець, иноходъ; Кир. *ćorǰa*, id.; Алт. Тел. Леб. *jorǰo*, id.; (Дж. *jortak* (< *v. jort*), лошадь, имѣющая сильный шагъ, рысь, рысистый) — < *v. (*jor?) jory* (Уйг. Орх.) ходитъ + *ǰa*, аф. для образованія *nomina verbalia*. Другія образованія отъ этого же глагола: Уйг. *joryk*, ходъ, хожденіе, образъ жизни; Бар. Ккир. Крм. *joryk*, путешествіе, хожденіе, ѣзда; Тел. *joryk*, охота; Орх. Уйг. *joryt*, заставитъ ходитъ || Уйг. Осм. Дж. Алт. Леб. Бар. *jort*, идти скорымъ шагомъ, ѣхать скоро, идти рысью.

Монг. *ćirūken*, Ойрат. письмен. *зүрекен*, у Араба-филолога *ćirūge*, сердце; Тур. (Уйг. Осм. Дж. Тел. Леб. Ком. Кар.) *jūrek*, id.; Осм. *jūrakān*, двигающийся, сердце; Кар. *jūrǰkǰān* (< *jūrǰk* + *lā* + *n*), сердиться — < *v. jūr* (Орх. Алт. Тел. Леб. Ккир. Тар.) быть въ движеніи, идти, ѣхать, жить, находится || Уйг. *v. jūri*, id. (> *jūrik*, походка, жизнь. Уйг. Дж.) + различныя окончанія.

М. *ćirūken* (*зүрекен*) и *ćiroǰa* (*ćorǰ*), по сравненію съ Тур. соотвѣтствующими *jūrek*, *jorǰa*, отличаются своимъ гласнымъ перваго слога — *i*; объяснить это явленіе можно вліяніемъ предыдущаго *ц* (*j*) ср. Р. В. Д. 188, 190, 191, 192.

Монг. *ćolǰa*, встрѣтиться, свидѣться, посѣтитъ; Тур. Крм. Ком. Тоб. *joluk*, id.; Дж. Тар. *joluk*, id. — < *jol* (Орх. Уйг. Дж. Осм. Крм. Алт. Тел. Леб. Ккир.) дорога, разъ + аф. *k*.

1) RT, 68.

2) RT, 69.

Монг. кабка, западня, ловушка, капканъ; Ойр. хабха (< кабка), ворота, капканъ; Тур. Каз. Кир. капка; Дж. капук (б); Осм. Крм. капу; Кар. кабак; Орх. капыб, — ворота < кап (Дж. Ком. Осм. Каз. Кир. Ккир. Тел. Алт. Койб. и др.) хватать, брать руками, унести, выравть + а = v. капа (Крм. Осм.) запирасть, замкнуть, закрыть, заткнуть, заключить + аф. к.

Монг. кабакаб (кабакабасу, кабакабасун); Калм. хавхк, крышка; Тур. (Тел. Таб. Дж.) капкак; Алт. Шар. Леб. Саг. Койб. Кир. какпак (= капкак); Осм. Дж. Ад. Крм. Тар. капак, id. < v. кап (Дж. Ад. Осм. Кар. Ком. Каз. Кир. Ккир. Тел. Алт. Шар. и др.), хватать, брать руками, унести, вырвать + аф. как > а + к¹).

Монг. керек, нужда, необходимость, нужный; Тур. (Орх.) кергек, Уйг. керкек; Тар. Ком. Тел. Алт. Шар. Леб. Уйг.²) Дж. Кар. Сарт. керек, необходимый нужный; керкек > керек³). Монголы позаимствовали болѣе новую турецкую форму; существованіе болѣе древней турецкой формы — встрѣчается въ орхонскихъ надписяхъ и старо-уйгурскихъ текстахъ (въ новѣйшемъ уйгурскомъ (Кудатку-білік) уже керек) — помогаетъ намъ найти происхожденіе монгольской формы и установить время заимствованія. Оно довольно раннее, на турецкой почвѣ керкек > керек образовалось рано (XI-й в.).

Монг. куруд, Дэрб. Кобд. хурұт, родъ сухого сыра; Тур. (Уйг. Осм. Алт. Леб. Тел.) курут, id. < v. куру (Уйг. Дж. Осм. Кр. Ком. Крм. Тел. Леб.) сохнуть, дѣлаться сухимъ, высыхать + аф. т.

Монг. кұлұг, крѣпкая лошадь, твердый, непоколебимый, титулъ одного князя (хана дэрбэтовъ); Тур. (Ор.) кұлұг, извѣстный, знаменитый, иногда «герой»; Уйг. Дж. Саг. Койб. Ккир. кұлұк, герой, скаковая лошадь, осм. г'ұлұк, выючное животное < кұ (Орх. Барб. Тел.) то, что слышится, слава, молва + аф. лұк.

Монг. кёрші, сосѣдъ; Тур. (Тел. Леб. Алт.) кёрұш, человекъ, съ которымъ часто видишься, знакомый другъ; Бар. Ком. кёршұ, сосѣдъ, ближній; Уйг. Дж. Тар. Алт. Тел. v. кёрұш, видѣться, встрѣчаться < v. кёр (Орх. Уйг. Дж. Ком. Алт. Тел. Кир. Ккир. и др.) видѣть, глядѣть + аф. ш.

М. отачі, оточі, врачъ; Тур. Уйг. отачы (Mül. 7); Ком. отацы, id. < от (Уйг. Дж. Осм. Ком. Крм. Алт. Тел. Кир. Ккир. Кар. и др.) растенія, служащія пищей для животныхъ, растенія лекарственныя,

1) См. П. М. Меліоранскій. Арабъ-филологъ о турец. яз., стр. LXXVII.

2) Болѣе поздняя форма.

3) П. М. Меліоранскій. Арабъ-филологъ о турец. яз., стр. LXXVII.

травя, сѣно, лѣкарство (Уйг. Осм. Дж.), ядъ (Кумд., Осм.) + суф. а + аф. п. agent. чы.

М. туркару, всегда, постоянно, непрерывно; Тур. Уйг. турқару, id. < туруу, турук (Орх. Уйг. Дж.) < в. тур + к, стоянка + бару. См. RT 50.

М. чөг, Калм. цөк, Халх. цүг, Бур. һүк, — окрикъ на верблюда, когда его хотятъ поставить на колѣни; Тур., Уйг., Дж., Осман., Крн., Кар., Алт., Тел. в. чөк, стать на колѣни, чөк!, — на колѣни!

Семасіологическій анализъ тоже можетъ помочь открыть турецкіе элементы въ монгольскомъ. Напр.

Монг. ел, согласіе, миръ, союзникъ; елчі, посолъ, елчил-үгеі, пустынный, безлюдный. Какъ елчі, такъ и елчил-үгеі < ел, но изъ монгольскаго ел, согласіе, миръ, ихъ объяснить трудно въ семасіологическомъ отношеніи. Въ турецкомъ еl, значитъ «группа племенъ, которыя пользуются самостоятельностью и составляютъ одно политическое цѣлое; кочевое государство; племенной союзъ (Stammgemeinschaft); государственное устройство; самостоятельная государственная жизнь»¹⁾; Уйг. Дж. Тел. Ад. народъ; Алт. Тел. Леб. собственный народъ, свое племя, своя семья; Осм. Крм. люди прихода, въ противоположность собственной семьѣ, т. е. чужіе, другіе; люди вообще; Осм. страна, губернія; Дж. Уйг. миръ, согласіе; Кир. Ккир. Саг. Койб. әl, значитъ, — племя, отдѣленіе народа, народъ, люди; миръ, согласіе. Несомнѣнно древнѣйшее и основное значеніе еl — племенной союзъ (Stammgemeinschaft), это уже достаточно выяснилось, благодаря изслѣдованіямъ акад. В. В. Радлова и проф. П. М. Меліоранскаго. Производнымъ отъ еl словомъ будетъ елчі (Уйг.), правитель народа; значеніе прямо вытекающее изъ основного значенія еl. Затѣмъ въ различныхъ болѣе новыхъ турецкихъ нарѣчіяхъ (Тел. Алт. Тар. Ком. Крм. Осм. Дж. Ад.) мы тоже слово встрѣчаемъ въ значеніи, — посолъ, вѣстникъ. Несомнѣнно, мнѣ кажется, монголами слова еl и елчі, были позаимствованы въ болѣе или менѣе позднюю эпоху, во всякомъ случаѣ по-орхонскую, съ измѣненіемъ основного значенія. Очень можетъ быть, что елчі въ значеніи — «посолъ, вѣстникъ» былъ въ свою очередь заимствованъ турками отъ монголовъ, уже въ ту пору начавшими терять представленіе о своемъ старомъ словѣ еl — племенной союзъ, etc. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что мы въ уйгурскихъ памятникахъ монгольской эпохи, когда уйгуры были подвластны монголамъ, находимъ слово елчі въ значеніи «чиновникъ», вѣ-

1) См. П. М. Меліоранскій, Памятникъ въ честь Кюль-Тегина, стр. 82, а также его же статья въ Ж. М. Н. Пр., 1898 г. VI «Объ Орхонскихъ и Енисейскихъ надгробныхъ памятникахъ съ надписями».

роятно, «монгольскій чиновникъ»¹⁾. Въ одной sūtra, несомнѣнно переведенной съ уйгурскаго на монгольскій²⁾ и заключающейся въ 31-мъ томѣ отдѣла Елдеб монгольскаго Канджура, слово ел употребляется въ значеніи народъ, племя: ел улус-ун кімуралдуку дајісун (fol. 86a), врагъ, съ которымъ враждуетъ народъ (племенной союзъ).

Всѣ выше приведенныя заимствованія монгольскаго языка изъ турецкаго надо отнести повидимому ко времени до эпохи образованія монгольской имперіи. Въ послѣдующее время главная масса монгольскаго народа не соприкасалась съ турками и непосредственное общеніе между этими двумя языковыми мірами прекратилось.

6.

Только западная часть монгольскаго племени (ойраты) продолжали общаться съ турками и поэтому у нихъ появились новыя турецкія заимствованія, неизвѣстныя языку остальныхъ монголовъ. Турецкія заимствованія, опредѣляемые нами въ письменномъ монгольскомъ языкѣ, буддійскіе термины уйгурскаго происхожденія, культурныя заимствованія — все это находится и въ языкѣ ойратовъ, какъ воспринятое вмѣстѣ съ остальными монголами въ болѣе раннюю эпоху; новыя же турецкія заимствованія, неизвѣстныя языку восточныхъ монголовъ у ойратовъ встрѣчаются какъ въ ихъ письменномъ языкѣ, возникшемъ въ половинѣ 17-го вѣка, такъ и въ живыхъ нарѣчіяхъ. Помимо этихъ заимствованій съ турецкаго, заимствованій, свойственныхъ какъ письменному языку, такъ и живымъ нарѣчіямъ, поскольку мы ихъ знаемъ, заимствованій, значитъ, обще-ойратскихъ, у различныхъ ойратскихъ племенъ появились свои, специфическія заимствованія отъ тѣхъ турецкихъ племенъ, съ которыми имъ пришлось столкнуться послѣ того, какъ они широко раскочевались по разнымъ странамъ Азіи и Европы. На присутствіе въ языкѣ ойратовъ, въ частности Волжскихъ калмыковъ, турецкихъ элементовъ указывалось уже раньше³⁾, но изслѣдованій въ этой области никакихъ не производилось. Примѣры:

Ойрат. письмен. базар, Дэрбэт. Астрхн. Дэрбэт. Кобд. базр, торговое мѣсто, рынокъ, лавки; Тур. (Уйг. Осм. Алт. Тел. Шор.), съ перс. пазаар, id. По всей вѣроятности заимствование обще-ойратское; слово

1) См. W. Radloff, Uig. Sprachdenkmäler, стр. 30. В. В. Радловъ указывалъ на возможность обратнаго заимствованія уйгурами отъ монголовъ.

2) См. B. Laufer. Zur buddhistischen Litteratur der Uiguren. T'oung-Pao, Sér. II, vol. VIII, гдѣ приводится тибетскій переводъ этой sūtra. Монгольскій переводъ былъ неизвѣстенъ г. Laufer'у, о китайскомъ подлинникѣ этой sūtra см. статью S. Lévy: L'original chinois du Sūtra tibétain sur la Grande-Ourse. id. sér. II, v. IX.

3) См. А. Бобровниковъ. Грам. монг.-калмыцк. яз. Казань 1849 г., стр. V.

встрѣчается, какъ видно, въ письменномъ языкѣ и у двухъ ойратскихъ племенъ; живущихъ далеко другъ отъ друга — одно на отрогахъ монгольскаго Алтая, другое на Волгѣ. Тоже самое:

Ойрат. письмен., Дэрбэт. Астрхн. Дэрбэт. Кобд. шам, свѣтильня, свѣча; Тур. Осм. Дж. Тар. Кир. Каз. (съ арабскаго) шам, id.

Ойрат. письмен. кѣіілік; Дэрбэт. Астрхн. кѣіік, Дэрбэт. Коб. кѣіік, кѣіің, рубашка; Тур. (Кир.) кѣіілѣк; Ад. кѣіінек; Тар. кѣіінек; Дж. кѣіінек, id.

Но, напр., слово ѣдмѣк, хлѣбъ; Тур. Уйг. Дж. ѣтмѣк, Кир. едмек, Крм. Осм. етмек, id., встрѣчается у Волжскихъ калмыковъ (въ томъ числѣ и у дэрбэтовъ), но неизвѣстно дэрбэтамъ Кобдоскимъ. Тоже самое:

Калм. (Дэрбэт. Астр. у Дерб. Кобд. неизв.) тарбѣс, арбузъ; Тур. ср.-Азіат. тарбус, id.

7.

Кромѣ турецкихъ заимствованій лексическихъ въ монгольскомъ языкѣ обнаруживаются еще турецкія морфологическія заимствования. Только обнаруживаніе ихъ представляетъ большія затрудненія вслѣдствіе всетаки еще недостаточнаго изученія турецкаго языка, его исторіи и въ особенности монгольскаго. Еще труднѣе обнаружить вліяніе на монгольскій турецкаго синтаксиса (а такъ же и проникновеніе такъ называемыхъ *innere Sprachformen*).

Позволю себѣ, всетаки, привести нѣсколько примѣровъ турецкихъ морфологическихъ заимствованій въ монгольскомъ, наиболѣе рельефныхъ.

Такъ въ монгольскомъ имѣются дѣепричастіе приготавительное (*Gerundium*) на рун, рун и дѣепричастіе конечное (*conv. finale*) на рā, рѣ.

Оба эти дѣепричастія встрѣчаются исключительно въ письменномъ языкѣ, въ письменномъ ойратскомъ онѣ встрѣчаются уже рѣже, въ особенности форма на рун, и въ живыхъ нарѣчіяхъ не существуютъ вовсе. Нужно обратить вниманіе, что въ афиксѣ рā долгота гласнаго въ монгольскомъ письмѣ не обозначается, она обозначается въ ойратскомъ. Давно уже изслѣдователями монгольскаго языка было указано на то, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ форму какого-то причастія на р + окончаніе, неизвѣстнаго происхожденія, ун — для образованія *gerundium*'а и р + ā, окончаніе *dativi* для образованія *conv. finale*¹⁾. Уже А. Бобровниковъ обратилъ вниманіе на сходство этихъ монгольскихъ формъ съ соотвѣтствующими турецкими. «Сличая эту монгольскую форму, писалъ онъ о формѣ на рā, съ однозначущею ей та-

1) См. А. Д. Рудневъ. Лекціи по грам. монг. яз., стр. 52.

тарскою (= турецкою), образуемою чрезъ наращеніе рга (ра), нетрудно усмотрѣть въ монгольскомъ окончаніи ра (рā) мѣстный падежъ будущаго причастія на р, сохранившагося въ татарскомъ языкѣ»¹⁾. Въ монгольскомъ нѣтъ формы причастія на р и нѣтъ положительно никакихъ основаній думать, что такая форма когда-либо существовала. Въ данномъ случаѣ, такъ же какъ и въ формѣ gerundium'a на р + ун, мы имѣемъ примѣръ морфологическаго заимствованія изъ турецкаго языка, въ которомъ причастіе на р — форма очень древняя (встрѣчается въ орхонскихъ надписяхъ и древнѣйшихъ уйгурскихъ памятникахъ) и въ тоже время очень распространенная²⁾. Очень возможно, что монголы заимствовали эти формы — gerundium на р ун и conv. finale на рā = Тур. причастіе въ х пад. и Тур. причастіе въ дательномъ падежѣ — цѣликомъ, не чувствуя ихъ морфологическаго строя. Но можетъ быть, что заимствованное отъ турокъ причастіе на р на монгольской почвѣ стало употребляться преимущественно въ двухъ падежахъ и въ такомъ «омертвѣломъ» видѣ стало употребляться какъ дѣепричастіе (причастіе, поставленное въ какомъ-нибудь падежѣ = дѣепричастію).

Въ связи съ этимъ можно остановиться на окончаніи ā, употребляемомъ монголами для обозначенія dativ. и locativ. Опять уже А. Бобровниковъ обратилъ вниманіе на сходство этой формы съ турецкой; сравнивая обѣ сходныя формы, онъ пришелъ къ заключенію, что «и въ монгольскомъ языкѣ въ древности было, на мѣсто нынѣшняго одного мѣстнаго (locativ. — dativ.) падежа, также два и частица а, поэтому, имѣла значеніе отличное отъ частицъ дур, тур, да, та (оконч. Монг. locativ.-dativ.)»³⁾. Турецкое происхожденіе этого афiksa очень вѣроятно; Тур. формы ка, ѓа > а; Монг. ā, причемъ долгота на письмѣ (исключая Ойрат.) не обозначается. Употребленіе ā не всеобщее, преимущественно въ письменномъ языкѣ и въ «омертвѣлыхъ» формахъ, употребляемыхъ въ живомъ языкѣ. Въ Монг. письмен. яз. долгое а должно бы было изображаться черезъ а ѓа, а ја, но въ такомъ видѣ афискъ дательнаго падежа — ā — нигдѣ и никогда не встрѣчается. Очень можетъ быть, что окончаніе это попало къ монголамъ отъ турокъ черезъ уйгурскую письменность, и потому, хотя монголы и чувствовали долготу, но, слѣдуя уйгурскому начертанію, изображали просто черезъ а.

Къ несомнѣннымъ турецкимъ заимствованіямъ слѣдуетъ отнести глагольную форму на мīш, мш, встрѣчающуюся въ живыхъ ойратскихъ діалектахъ; у восточныхъ монголовъ, а такъ въ письменномъ ойратскомъ

1) А. Бобровниковъ, Грам. монг.-калм. яз. Казань, 1849 г., стр. 142.

2) См. W. Radloff, Die Alttürkisch. Inschrift. N. F., стр. 95—96.

3) Id., стр. 96—97.

языкъ этой формы не имѣется. Значеніе афикса *міш*, *мш* — сомнительность дѣйствія, уподобленіе дѣйствию, etc. Напр.

ц'а шалдрѣ болмш б'ан'а (Дэрбэт. Кобд.), кажется чай дѣлается жидкимъ,

уңшіміш болн'а (Дэрбэт. Астр.), точно читается, притворяется читающимъ¹⁾.

Въ турецкомъ языкѣ глагольная форма на *мыш*, *міш* очень древняя, встрѣчается въ орхонскихъ и старыхъ уйгурскихъ памятникахъ, и очень распространенная, она встрѣчается и теперь въ южно-турецкихъ нарѣчіяхъ и въ среднеазиатско-турецкомъ письменномъ языкѣ. По всей вѣроятности, ойратами эта форма была заимствована отъ средне-азиатскихъ турокъ еще въ эпоху совмѣстнаго житія ойратскихъ поколѣній въ Джунгаріи. За это говоритъ то, что форма на *міш*, *мш* встрѣчается у дэрбэтовъ какъ Кобдоскаго округа, такъ и Астраханской губерніи, двухъ поколѣній, не имѣвшихъ никакихъ общеній между собой въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій. Первоначальное значеніе формы на *мыш*, *міш*, у турокъ — рассказъ о дѣйствиі, свидѣтелемъ котораго рассказчикъ не былъ, далѣе появляется второстепенное значеніе — сомнительность дѣйствія, уподобленіе дѣйствию; въ послѣднемъ, болѣе новомъ значеніи эта форма и была заимствована ойратами.

8.

Я не буду болѣе приводить примѣровъ турецкихъ морфологическихъ заимствованій въ монгольскомъ; мнѣ хотѣлось указать только на ихъ существованіе. Вообще, конечно, я не могъ ставить себѣ цѣлью указать на всѣ классы и виды турецкихъ заимствованій въ монгольскомъ языкѣ; я пытался только указать на такія заимствования, какъ фактъ, подтверждаемый тѣмъ-то и тѣмъ-то. Въ самомъ же началѣ пришлось отмѣтить, что въ значительной мѣрѣ работа надъ выясненіемъ турецкихъ заимствованій въ монгольскомъ парализуется специфическими условіями.

Роль турецкихъ элементовъ въ монгольскомъ языковомъ мірѣ, насколько они уже выясняются для насъ, велика; турецкіе элементы живутъ въ монгольскомъ языкѣ на правахъ родныхъ и давно уже не ощущаются какъ элементы чуждые. Но, разумѣется, волна турецкихъ заимствованій должна была произвести большой переворотъ въ монгольскомъ, какъ въ большинствѣ языковъ, принимающихъ значительные иноязычные элементы.

1) См. Отчетъ о побѣдѣ Н. Очирова къ Астр. калмыкамъ: Извѣст. Рус. Комит. для изуч. Ср. и Вост. Азіи № 10. СПб. 1910, стр. 12 (отд. от).

Пока остается открытымъ вопросъ о монгольскомъ праязыкѣ и объ отношеніи его къ пра-турецкому. Но, я думаю, уже теперь возможно поставить вопросъ, не является ли монгольскій языкъ — языкомъ мѣшаннымъ, вродѣ языка напр. якутскаго, въ которомъ тоже значительную роль играютъ турецкіе элементы. Дѣйствительно, монгольскій языкъ представляетъ много примѣровъ своего смѣшаннаго происхожденія. Въ то время какъ турецкія нарѣчія являются образцомъ языковаго консерватизма въ области фонетической, морфологической и семасіологической, въ монгольскомъ языковомъ мірѣ за гораздо меньшій срокъ происходятъ значительнѣйшія видоизмѣненія, происходятъ измѣненія фонетическія — измѣненіе вокализма, появленіе новыхъ звуковъ, уничтоженіе опредѣленныхъ звуковыхъ комплексовъ, измѣненія морфологическія — уничтожаются старыя и образуются новыя ряды, и, наконецъ, измѣненія семасіологическія, тоже наблюдаемыя въ тѣхъ или другихъ живыхъ діалектахъ. Очень можетъ быть, что причиною этого является смѣшеніе, заимствованіе изъ турецкаго. Турецкіе элементы, морфологическій составъ которыхъ монголами, ихъ принявшими, не сознавался, легче подвергался измѣненіямъ и воздѣйствіямъ всевозможныхъ факторовъ и въ свою очередь дѣйствовали на другіе элементы языка. Какъ на образчикъ смѣшенія можно указать еще на удивительную неупорядоченность морфологическихъ формъ въ монгольскомъ языкѣ, *embarras de richesse*, изумительное при сравненіи со строгостью турецкаго языка. Такое обиліе формъ мы встрѣчаемъ не только въ письменномъ языкѣ, языкѣ сильно смѣшанномъ, но и въ живыхъ нарѣчіяхъ. Напр. въ одномъ изъ живыхъ ойратскихъ нарѣчій существуетъ семь окончаній для обозначенія множественнаго числа: с, т, нар (нер), мат, мут, ут (ўт), тан (тєн), при чемъ употребляются они смѣшанно, неупорядоченнымъ образомъ, часто даже практикуется присоединеніе двухъ афиксовъ (|| турецкое приведеніе къ одному знаменателю — ла р, единственное существующее окончаніе для plr. начиная съ 7-го вѣка и до сихъ поръ во всѣхъ нарѣчіяхъ). Напр.

Sing.

Plr.

түшүмѣл, чиновникъ,

түшүмүд, түшүмѣлүд.

тоті попугай

тотіс, тотід.

сāн, хорошіи

сāд, сāдүд, сановники (хорошіе люди).

Множествен. число часто употребляется для обозначенія единственнаго напр. Хал. хўхед, сынъ, дитя, Халх. ехїнѣр, женщина, Ойрат. нā-цїнр, жена, женщина. И таково разнообразіе и смѣшеніе формъ, употребляемыхъ вообще рѣдко!

Не указываютъ-ли также на смѣшанный характеръ монгольскаго

языка явленія, наблюдаемыя съ ц и ј. Совершенно справедливо Г. І. Рамстедтъ указалъ на то, что общемонгольское ц надо отличать отъ ј. «Здѣсь, какъ мнѣ кажется, — писалъ онъ¹⁾, — умѣстно указать на то, что въ письмѣ начальное ј и ц передаются однимъ и тѣмъ же знакомъ. Эту особенность наврядъ ли можно объяснить исключительно свойствами алфавита, какъ это обыкновенно дѣлается; нельзя также понимать это явленіе въ томъ смыслѣ, будто теперешніе з и ј халха'скихъ говоровъ дифференцировались изъ одного звука, потому что иначе какимъ образомъ, въ совершенно одинаковыхъ случаяхъ, могло бы образоваться въ однихъ случаяхъ з, въ другихъ—ј». Далѣе Г. І. Рамстедтъ указываетъ, что существуютъ нарѣчія, гдѣ «вмѣсто халха'скаго звука з (и ц) имѣется ј». Но, замѣчательно то, что въ различныхъ нарѣчіяхъ появленіе ј || халхаскому з, наблюдается спорадически. Напр.

Ойрат. письмен., Дерб. Кобд., Дерб. Астр. јасă, устроить, починить, Восточ. Монг. ц'ас, ц'аса, јас || Халх. засă < письм. Монг. цаса, тогда какъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ халхаскому з соответствуетъ калмыцкое з, тоже самое Калм. јарѣачі, палачь. судебный служитель (при зарѣо, судъ) || Халх. зарѣачі, id., но въ Халх. јарѣачі—мясникъ²⁾. Въ памятникахъ квадратнаго письма мы встрѣчаемъ форму јорчі, ходитъ || Халх. зорчі, въ то время какъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ халхаское з соответствуетъ ц памятниковъ квадратнаго письма. Обычно при заимствованіяхъ съ турецкаго на мѣсто турецкаго ј въ монгольскомъ имѣется ц > Халх. з и Ойрат. з. Но иногда и въ монгольскомъ на мѣсто Тур. ј имѣется также ј, или и ј и ц > з и з. Напр.

Тур. јертінчү || Монг. јертінчү > Халх. јүртѣнцү, Ойрат јиртенцү, јіртѣмчі.

Тур. јілві || Монг. цілві и јілві, Халх. цілві и јілві, Бур. јілві, Калм. цілві и јілві.

Затѣмъ надо обратить вниманіе на цака, край, берегъ и јаѣала, обшивать, гдѣ одинъ и тотъ же корень въ одномъ и томъ же діалектѣ встрѣчается съ ц и ј.

1) РФ. 28.

2) Указаніемъ на послѣднее слово я обязанъ Г. І. Рамстедту. Въ письмен. Монг. тоже встрѣчается форма јарѣачі, палачь. Въ одномъ монгольскомъ сочиненіи: Саран шібаѣун-у тоѣуці (Хул. Q. 9. Универ. Библиот.) слово јарѣачі аллитеруется со словами ја ла, вина, јаріѣ болтливый etc., такъ что читать царѣачі невозможно.

Совершенно иная картина представляется, если обратиться къ заимствованіямъ изъ монгольскаго въ турецкомъ языкѣ. Заимствования эти менѣе значительны и спорадичны.

Въ старыхъ уйгурскихъ памятникахъ не открывается никакихъ слѣдовъ монгольскихъ вліяній. Въ орхонскихъ памятникахъ указывается на т въ словѣ таркат, какъ на монгольское заимствование; на сомнительность такого толкованія указалъ уже проф. П. М. Меліоранскій¹⁾. Въ уйгурскихъ документахъ эпохи монголовъ, а также въ письменныхъ памятникахъ другихъ турокъ встрѣчаются изрѣдка монгольскія слова, преимущественно административные термины. Напр.

түшүмен, чиновникъ; елчі, въ значеніи «чиновникъ», «посолъ»
јосун, законъ таруқа, намѣстникъ; и т. п.²⁾.

Въ письменномъ джагатайскомъ и османскомъ языкѣ открывается довольно много монгольскихъ словъ—преимущественно монгольскихъ военныхъ терминовъ; при чемъ иногда къ туркамъ возвращаются, какъ это случается и въ другихъ языкахъ, ихъ собственные слова, позаимствованныя монголами въ болѣе раннюю эпоху. Напр.

Осм. Дж. караул, каравул, карабул, караулъ, стража, Монг. карабул (> *карауул > *караул), id. < v. кара + бул.

Дж. јасал, строй войска, отрядъ, боевой порядокъ, Монг. јасал > засал, id. < v. јаса + л.

Осм. Дж. јасаул, уставщикъ, исполнитель повелѣній (Дж.), капралъ дворцовой стражи (Хива); конная стража сановника, офицеръ стражи (Осм.); Монг. јасабул (> *јасаул), распорядитель, устроитель, часовой, офицеръ < v. јаса + бул.

Можетъ быть монгольскихъ заимствованныхъ словъ съ афиксомъ бул > аул, все изъ категоріи военныхъ терминовъ, было такъ много, что въ Средней Азіи начали образоваться новыя слова при помощи иноязычнаго афикса изъ той же категоріи военныхъ терминовъ. Напр. Дж. јортабул, јорта'ул, конный отрядъ, посылаемый для грабежа < v. јорт, идти, ѣхать + монгольскій афиксъ бул, по ассимиляціи съ карабул, јасаул etc.

1) П. М. Меліоранскій, Памятникъ въ честь Кюль-тегина, стр. 80.

2) См. W. Radloff, Uigur. Sprachdenkmäler.

Дж. оң-бар, сол-бар, правый флангъ (войска) и лѣвый флангъ; первое слово турецкое — оң, сол; второе монгольское — бар, рука, флангъ.

Дж. олца, военная добыча; Монг. олца, id. < v. ол.

Затѣмъ въ современныхъ живыхъ діалектахъ тѣхъ турокъ, которые живутъ или жили по сосѣдству съ монголами напр., у киргизовъ, теленгитовъ, алтайцевъ, урянхайцевъ и др., встрѣчаются отдѣльныя заимствованныя монгольскія слова, вѣроятно болѣе новаго времени. Въ особенности много такихъ заимствованій у алтайцевъ и урянхайцевъ.

Б. Владиміровъ.